

Спенсер Герберт

Основные начала

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Г37

Г37 **Герберт С.**
Основны́я нача́ла / Спенсер Герберт – М.: Книга по Требованию, 2022. –
386 с.

ISBN 978-5-519-75090-5

ISBN 978-5-519-75090-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Предисловіе переводчика.

Книга Спенсера не нуждается въ рекомендаціи и потому нашему предисловію быть длиннымъ неслѣдуетъ. Русской публикѣ Спенсеръ не безызвѣстенъ: большинство его сочиненій переведено на русскій языкъ и нѣкоторые изъ нихъ—давно уже, о немъ писалось въ нашихъ журналахъ, на его основныя положенія часто дѣлались ссылки, его цитировали. Рекомендовать настоящую книгу, указывая, что авторъ де великій мыслитель, одинъ изъ тѣхъ, которые составляютъ гордость и красу человѣчества, что въ современной западно-европейской научно-философской литературѣ онъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ, что предлагаемая книга отличается серьезными научными достоинствами и глубиной философской мысли, что аргументація Спенсера обладаетъ мощной силой и логической красотой—все это было бы повтореніемъ истинъ, ставшихъ банальными. Дать же болѣе или менѣе полную оцѣнку значенія Спенсера въ современномъ движеніи мысли, оцѣнку, которая невозможна безъ критики его идей и тѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ ученій, съ которыми онъ связаны генетически,—дѣло не предисловія, а отдѣльнаго трактата. Подобный трактатъ былъ бы неумѣстенъ въ

приложеніи къ настоящей книгѣ, но вовсе не необходимъ при ней, тѣмъ болѣе, что въ ней оригинальной литературы если и не часты, то все же попадаются статьи, посвященныя критикѣ идей Спенсера; укажемъ на статью г. Н. Михайловскаго: «Что такое прогрессъ».

Предисловіе автора къ первому изданію.

Познаваемое. Изложеніе послѣднихъ выводовъ, которые могутъ быть познаны въ проявленіяхъ абсолютнаго, т. е. высшій обобщеніи новѣйшей науки, истинны не только для одного порядка явленій, но и для *всѣхъ* порядковъ и могущій, поэтому, служить для объясненія *всѣхъ* порядковъ явленій.

Логика разсужденій требуетъ приложенія этихъ основныхъ принциповъ къ природѣ неорганической. Но я счелъ умѣстнымъ не касаться этого обширнаго предмета, во первыхъ потому, что и по устраненіи его, мой планъ остается слишкомъ широкимъ, и во вторыхъ потому, что объясненіе органической природы по установленнымъ мною началамъ гораздо важнѣе.

ПОЗНАВАЕМОЕ.

ПЕРВАЯ ГЛАВА.

Опредѣленіе философіи.

§ 1. Мы убѣдились, что не можемъ знать скрытой сущности окружающаго насъ. Теперь представляется три вопроса: что есть предметъ нашего знанія? Какъ мы знаемъ его? Въ чемъ состоитъ высшая степень доступнаго намъ знанія? Мы признали невозможной философію, берущуюся опредѣлять бытіе отдѣльно отъ того, чѣмъ оно представляется намъ и поэтому должны сказать въ чемъ состоитъ истинный предметъ философіи; наша задача не ограничивается опредѣленіемъ его границъ, но необходимо также обозначить все, заключенное въ этихъ границахъ. Въ области, въ которой безвыходно запертъ человеческій интеллектъ, мы должны опредѣлить продукты его, могущіе носить имя философіи.

Для достиженія этой цѣли мы можемъ удобно пользоваться методомъ, какой употребляли раньше, выдѣляя элементъ истины изъ понятій, частью или почти совершенно ложныхъ. Въ главѣ, посвященной Религіи и Наукѣ мы видѣли, что релігіозныя вѣрованія, какъ бы ложны не были они въ частностяхъ, тѣмъ не мѣнѣе содержать въ себѣ существенную истину и что по наибольшей вѣроятности истина эта обща всѣмъ имъ; здѣсь мы намѣрены показать, что ни одно изъ понятій о философіи, отвергнутыхъ или еще живущихъ, не вполне ложно и что пустьъ, въ которомъ всѣ они истинны—есть тотъ самый, въ которомъ всѣ они согласны. Такъ что въ этой второй части намъ предстоить тоже самое, что и въ первой. Мы должны сравнить всѣ мнѣнія одного порядка, отбросить въ сто-

ропу, какъ взаимно уничтожающіеся, частныя и конкретныя элементы, производящіе несогласіе мѣній, и разсмотрѣть то, что остается послѣ исключенія дисгармонизирующихъ элементовъ; наконецъ—найти для этого остатка отвлеченное выраженіе, которое оставалось бы истиннымъ во всѣхъ расхождающихся видоизмѣненіяхъ.

§ 2. Оставимъ въ сторонѣ первобытныя умозаключенія. У грековъ, прежде чѣмъ понятіе философіи вообще выдѣлилось изъ частныхъ системъ, ученія были лишь гипотезами о всемірномъ принципѣ, составляющемъ сущность конкретныхъ вещей. На вопросъ: «каково это неизмѣнное бытіе, котораго конкретныя вещи суть лишь *измѣняющіеся состоянія*?»—съ различныхъ сторонъ отвѣчали: «Вода. Воздухъ, Огонь». Послѣ того, какъ были предложены эти гипотезы, предназначавшіяся для объясненія всего сущаго, могъ Пифагоръ опредѣлить Философію какъ знаніе, не имѣющее практическаго приложенія, какъ «знаніе вещей нематеріальныхъ и вѣчныхъ». Для него причиной матеріальнаго бытія вещей было число. Затѣмъ мыслители потребовали отъ философіи законченнаго истолкованія вселенной, которое они считали возможнымъ, все равно достигали ли они его дѣйствительно или нѣтъ. Покѣище умозрѣніе приняло другое направленіе; скептики пошатнули вѣру людей, считавшихъ возможнымъ приобрести это знаніе трансцендентнаго. Послѣдствіемъ было гораздо болѣе скромное опредѣленіе философіи. У Сократа и, особенно, у стоиковъ она была лишь теоріей справедливости; задачей ея было давать правила частнаго и общественнаго поведенія. Это не значитъ, что правила поведенія, составлявшія для послѣднихъ греческихъ философовъ предметъ философіи, соответствовали тому, что понималось подъ поведеніемъ массою. Предписанія Зенона имѣли очень мало общаго съ тѣми, которыя управляли людьми съ древнѣйшихъ временъ въ ихъ поступкахъ, жертвахъ и обычаяхъ и болѣе или менѣе санкціонировались религіей; это были правила дѣйствія безъ всякаго приложенія къ времени, людямъ и обстоятельствамъ. Въ чемъ же общій элементъ различныхъ необходимыхъ понятій древнихъ о философіи? Имено, что черта, общая первому и второму изъ этихъ понятій въ томъ, что въ области своихъ изысканій философіи преслѣдуетъ широкія и крупныя истины, которыя она отличаетъ отъ безчисленныхъ частныхъ истинъ, открывающихся въ видимости вещей и дѣйствій.

Сравнивая между собой понятія о Философіи въ новѣйшія времена, мы приходимъ къ тому же результату. Ученики Шеллинга,

Фихте и Гегеля единогласно поднимают на смѣхъ доктрину, носящую этотъ титулъ въ Англіи. Не безъ основанія събьются они со словъ «философскія орудія» и отказываются признать за *философскими умозрѣніями* право на это названіе. Въ отвѣтъ англичане могли бы опровергнуть фантастическую философію нѣмецкихъ школъ; они утверждаютъ, что разъ мы не можемъ подняться выше сознанія, то подтверждаетъ ли сознаніе существованіе чего-то внѣ его или не подтверждаетъ, все равно—оно не можетъ никакимъ образомъ познать этого чего-то и слѣдовательно, разъ философія выдаетъ себя за онтологию—она ложна. Эти двѣ системы разрушаютъ другъ друга въ большей своей части. Критикуя нѣмцевъ, англичане вычеркиваютъ изъ философіи все, что считаютъ абсолютнымъ знаніемъ. Критикуя англичанъ, нѣмцы молчаливо предполагаютъ, что, если философія сводится къ относительному, ей нечего дѣлать съ тѣмъ изображеніемъ относительнаго, которое показываютъ намъ математическія формулы, объясненія физика, анализы химика, описанія видовъ и отчеты о фізіологическихкихъ опытахъ. Что же есть общаго между слишкомъ широкимъ понятіемъ нѣмцевъ и тѣмъ, какое принимается английскими учеными; понятіе послѣднихъ, безъ сомнѣнія, узко и грубо, но не настолько узко и грубо, какъ то можно предположить на основанія смысла, какой они придаютъ философскимъ терминамъ. Общаго въ этихъ двухъ понятіяхъ то, что ни англичане ни нѣмцы не прилагаютъ слова философіи къ знанію, лишенному всякой систематической связи, не координированному съ другими. Ученый, отдавшійся самой умелькой спеціальности, не назоветъ философскимъ такого изслѣдованія, которое, исключительно ограничившись подробностями, показываетъ, что авторъ его чужды мысли объ отношеніи этихъ подробностей къ болѣе широкимъ истинамъ.

Можно придать болѣшую точность неопредѣленной еще идеѣ этой общій почвы, на которой сходятся различныя понятія о философіи, сравнивши систему, послую въ Англіи имя естественной философіи съ развитой ея формой, извѣстной подъ именемъ положительной философіи. Хотя Огюсть Контъ и допускаетъ, что обѣ эти системы состоятъ изъ знаній въ сущности тождественныхъ, тѣмъ не менѣе ему достаточно было придать этимъ знаніямъ болѣе связную форму, чтобы придать его системѣ болѣе философскій характеръ. Не касаясь вопроса объ истинности предложенной имъ системы координаций, необходимо признать, что уже однимъ тѣмъ, что создалъ эту систему, онъ далъ сѣорганизованному имъ знанію больше правъ

на имя философин, чѣмъ имѣть на него группа знаній, сравнительна лишенная организаціи, которую называютъ естественной философійю.

Указанный выше выводъ получается, если противопоставить другъ другу или общему, составляемому ими, каждое изъ подраздѣленій или частныхъ формъ философин. Нравственная философія и философія политическая сходятся съ философійю вообще по широтѣ ихъ разсужденій и заключеній. Хотя въ нравственной философійи мы разсматриваемъ человѣческія дѣйствія какъ худыя или хорошія, тѣмъ не менѣе мы не включаемъ сюда частныхъ нравствъ поведенія съ дѣтьми или за столомъ или въ дѣлахъ; хотя политическая философія имѣетъ предметомъ поведеніе людей въ ихъ отношеніяхъ къ обществу, тѣмъ не менѣе она не занимается ни способами избирательства, ни подробностями администраціи. Та и другая разсматриваютъ частные случаи лишь какъ примѣры, объясняющіе болѣе широкія истины.

§ 3. Такимъ образомъ каждое изъ этихъ понятій о философійи включаетъ въ себя предположеніе, что есть способъ познавать вещи болѣе полно, чѣмъ онѣ познаются путемъ простыхъ опытовъ, механически нагромождаемыхъ въ памяти или собираемыхъ въ энциклопедіяхъ. Если расходились и до сихъ поръ еще сильно расходятся въ опредѣленіи величины той сферы, которую должна заполнять философія, то всѣ согласны, хотъ и не открыто всѣ, давать имя философійи лишь знанію превосходящему обыденное. По исключеніи изъ этихъ понятій всѣхъ дисгармонизирующихъ элементовъ, остается общій имъ всѣмъ элементъ, состоящій въ признаніи, что *философія есть знаніе нѣймыслимой общности*. Что именно выражается тѣмъ, что вводить въ область философійи Бога, Природу, Человѣка или тѣмъ, что раздѣляютъ философію на теологію, физику, этику и пр. Ибо то, что составляетъ характерную черту рода, заключающаго въ себя названные подъ-роды, должно быть болѣе обще чѣмъ то, что отличаетъ подъ-роды между собою.

Какия формы дадимъ мы этому понятію? Разумъ познаетъ лишь относительное. Сохраняя сознаніе о чемъ-то, скрываетъ за явленіями, мы отвергли, какъ ребячество, всякую мысль узнать что-либо объ чемъ-то и, такимъ образомъ, изгнали философію изъ большей половины той области, которую прежде считали принадлежащей ей. То, что остается ей, занято наукой. Наука имѣетъ предметомъ сосуществованія и смѣны явленій; она группируетъ ихъ для бразованія,

сначала, простых обобщений первой степени и постепенно подымается къ высшимъ и наиболѣе широкимъ. Но что же въ такомъ случаѣ остается для философіи?

Вотъ что: имя философіи можетъ быть дано знанію самой высшей общности. Наукой обозначается просто группа частныхъ наукъ; она есть ничто иное, какъ сумма знаній, сложенныхъ вмѣстѣ и ничего не говоритъ намъ о знаніи, вытекающемъ изъ *самаго* частныхъ наукъ въ одно цѣлое. Въ общепринятомъ опредѣленіи наука состоитъ изъ истинъ болѣе или менѣе изолированныхъ и не подразумевающихъ ихъ интеграціи. Примѣръ объяснить въ чемъ тутъ разница.

Когда мы относимъ теченіе воды въ рѣкѣ къ той же причинѣ, которая заставляетъ камень падать на землю, мы формулируемъ положеніе вѣрно для цѣлаго ряда фактовъ, принадлежащаго известному отдѣлу науки. Далѣе, если для объясненія движенія въ направленіи почти горизонтальномъ, мы ссылаемся на законъ, гласящій, что жидкости подъ вліяніемъ механическихъ силъ, оказываютъ равное давленіе во все стороны, мы формулируемъ фактъ болѣе широкій, содержащій въ себѣ научное толкованіе большого числа явленій, какъ то—фонтана, гидравлическаго пресса, паровой машины, пневматической.¹ Далѣе, когда это положеніе, касающееся лишь динамики жидкостей, поглощается понятіемъ общей динамики, заключающей въ себѣ законы движенія какъ твердыхъ, такъ и жидкихъ тѣлъ, мы приходимъ къ высшему принципу, но все еще цѣлкомъ принадлежащему наукѣ. Когда мы знаемъ лишь птицъ и летающихъ насекомыхъ—мы предполагаемъ, что все животныя, дышущія воздухомъ, теплокровны; потомъ, познакоившись съ гадами, дышущими также воздухомъ, но температура крови которыхъ немного выше окружающей, мы съ болѣею близостью къ истинѣ утверждаемъ, что животныя, при равновѣсіи объемовъ, имѣютъ температуру крови пропорціональную количеству вдыхаемаго воздуха. И, наконецъ, вспоминая о нѣкоторыхъ большихъ рыбахъ, сохраняющихъ въ себѣ температуру выше температуры воды, въ которой плаваютъ, поправляемъ наше обобщеніе и говоримъ что температура варьируетъ сообразно степени окисленія крови. Позже, измѣнивъ наше положеніе въ отвѣтъ на новыя возраженія, мы въ концѣ концовъ приходимъ къ утвержденію, что искомое отношеніе существуетъ между количествомъ теплоты и количествомъ молекулярныхъ измѣненій. Мы прошли рядъ научныхъ истинъ все болѣе

и болѣе широкихъ и къ концѣ пришли къ истинѣ чисто-научной. Если, руководимые коммерческимъ опытомъ, мы придемъ къ заключенію, что цѣны поднимаются когда спросъ превышаетъ предложеніе, что продукты вывозятся изъ мѣстъ, въ которыхъ они изобилуютъ въ мѣста, скудные ими и что производства различныхъ странъ первѣе всего опредѣляются выгодностью ихъ; если, рассматривая эти обобщенія политической экономіи мы отнесемъ ихъ къ принципу, что каждый человѣкъ ищетъ удовлетворенія своимъ желаніямъ средствами, требующими наименьшихъ усилій, принципу, управляющему индивидуальными дѣйствіями, по отношенію къ которымъ всѣ великія общественныя явленія, цѣнность, торговли, промышленность—лишь *производныя*, устанавливая же эти положенія—мы имѣемъ дѣло лишь съ научными истинами.

Когда-же мы придемъ къ философіи? Сдѣлавши еще шагъ дальше. Покуда извѣстны научныя истины въ отдѣльности, покуда на нихъ смотритъ, какъ на независимыя, нельзя, не нарушая строгаго смысла слова, назвать философскою самую широкую изъ нихъ. Но когда, сведши ихъ одну къ простой механической аксіомѣ, другую—къ принципу молекулярной физики, третью—къ социологическому закону, мы станемъ всѣ ихъ разсматривать, какъ соотносящіяся части одной конечной истины, то придемъ къ такому знанію, которое будетъ философскимъ въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Истины философіи такъ-же относятся къ высшимъ научнымъ истинамъ, какъ эти послѣднія—къ научнымъ истинамъ низшаго порядка. Такимъ же образомъ, какъ каждое изъ высшихъ обобщеній обнимаетъ и утверждаетъ низшія обобщенія своего отдѣла, обобщенія философіи обнимаютъ и утверждаютъ обобщенія науки. Философія, слѣдовательно, есть знаніе діаметрально противоположное тому, какое даетъ намъ опытъ, собирающій факты. Это конечный продуктъ дѣйствія, начинающагося простымъ собираніемъ сухихъ наблюдений, продолжающагося выработкой болѣе широкихъ и свободныхъ отъ частныхъ положеній и приводящаго къ положеніямъ всеобщимъ. Давая опредѣленію философіи самую простую и ясную форму, мы скажемъ: знаніе низшаго порядка есть знаніе *необъединенное*; наука—знаніе *отчасти объединенное*; философія—знаніе *только объединенное*.

§ 4. Такой смыслъ должны мы дать слову философія, если хотимъ употреблять его. Принимая это опредѣленіе—мы принимаемъ все, что есть общаго въ понятіяхъ о философіи древнихъ и новыхъ